

**МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАН**

**Материалы ежегодной научной сессии
кафедры новой и новейшей истории**

ВЫПУСК II

Электронное издание

**Москва
2019**

Сборник статей

**Актуальные проблемы
новой и новейшей истории
зарубежных стран. Выпуск II**

«МПГУ»

2019

УДК 94(1-87)(082)
ББК 63.3(0)я43

Сборник статей

Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Выпуск II / Сборник статей — «МПГУ», 2019

ISBN 978-5-4263-0727-8

Сборник включает научные сообщения, с которыми в ходе ежегодной научной сессии МПГУ по итогам научно-исследовательской работы за год выступили преподаватели, аспиранты и магистранты кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета. Проблематика представленных материалов отражает основные направления научно-исследовательской работы Института истории и политики МПГУ. Материалы сборника могут быть использованы при реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлениям «История» и «Педагогическое образование», написании курсовых, дипломных и диссертационных работ.

УДК 94(1-87)(082)

ББК 63.3(0)я43

ISBN 978-5-4263-0727-8

© Сборник статей, 2019

© МПГУ, 2019

Содержание

Кто виноват в «холодной войне»	5
«Европа поразит с первого разу...»: Европеизм и русская самость в творчестве Н.В. Гоголя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ Выпуск II

Кто виноват в «холодной войне»

Белоусова К.А.

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Аннотация: роль личности в истории особо актуальна, когда ее деяния влияют и поныне. Политический курс США в 1950-х гг. на Ближнем Востоке зачастую определялся не только президентом Д. Эйзенхауэром, но и его госсекретарем, Д.Ф. Даллесом. Даллес, который вел «двойную игру» с участниками Тройственной агрессии, и, используя, в частности, их политические ошибки, смог извлечь максимальную выгоду для своей страны. Его дальновидная политика сделала США ближайшим союзником ближневосточных стран после поражения старых колониальных держав.

Ключевые слова: роль личности, Д.Ф. Даллес, Ближний Восток, политика США, Суэцкий кризис, Тройственная агрессия, доктрина Эйзенхауэра.

Джон Фостер Даллес, государственный секретарь США во время президентства Эйзенхауэра справедливо считается ваятелем внешнеполитического курса Соединенных Штатов и одним из основоположников ближневосточной стратегии, заложенной в 1950-х гг. и действенной и в наши дни.

Джон Фостер Даллес, как это обычно бывает, начал свою политическую карьеру благодаря своим родственным связям. Являясь внуком государственного секретаря, Джона Фостера, и племянником другого, Роберта Лансинга, Даллес начал свою собственную дипломатическую карьеру в 19 лет в качестве секретаря своего деда на Гаагской конференции. Если еще в конце 1930-х гг. Даллес придерживался политики изоляционизма, то в 1944 г. он проявил себя как ведущий представитель республиканцев на внешнеполитической арене. Трумэн несколько раз отмечал бесспорный талант Даллеса вести переговоры, особенно в связи с мирным договором с Японией¹.

Однако наиболее ярко и полно талант Даллеса как политика раскрывался, когда он выступал на первых ролях. Тандем президента с государственным секретарем представляется едва ли не самым прочным и работоспособным во всей истории института президентства. Даллес был в числе тех, кто пытался склонить генерала Дуайта Эйзенхауэра выставить свою кандидатуру от республиканской партии. Видимо, это было одной из причин очень теплого отношения президента к своему государственному секретарю. Даллес был единственным человеком, вхожим в кабинет Эйзенхауэра без доклада. Необходимо также отметить, что в те времена

---

¹ Blum J.M., . McFeely WS, Morgan E.S., Schlesinger Jr. A.M., Stampf K..M. The National Experience. A History of the United States. N.Y., 1968. P. 791.

эксперты, в частности по Ближнему Востоку, не принимали участия в дискуссиях на высшем уровне и тем более были не особенно влиятельны в процессе принятия решений².

Типичный представитель ретроградного направления в международной политике, Даллес, был незаменим для Эйзенхауэра. «Перу» Даллеса обязан ряд новых внешнеполитических доктрин, в число которых входит доктрина «освобождения» от коммунизма. Следуя этой доктрине, Совет Национальной Безопасности (СНБ) разработал «новый взгляд» на оборону, который был одобрен Эйзенхауэром 30 октября 1953 г. Эта доктрина предполагала ускоренную подготовку США к развязыванию «большой войны» против СССР и стран социализма.

Дж.Ф. Даллес, как и многие его предшественники, и следуя логике американской внутривнутриполитической динамики, критиковал предыдущую администрацию: «Стратегия линейного сдерживания, которой следовали Трумэн и Ачесон, значит силу нигде и банкротство везде». Чтобы отмежеваться от политики предыдущей администрации, Даллес «изобрел» две новые доктрины: «балансирования на грани войны» и «массированного возмездия».

Возложенная на себя самими Соединенными Штатами «обременительная, но почетная миссия руководства миром» означала фактически роль руководителя, арбитра, старшего брата. Выступая перед любой аудиторией, и какой бы внешнеполитический вопрос не рассматривался, Даллес сводил его к проблеме противостояния двух систем. Речи Даллеса, по форме напоминавшие речи проповедника, концентрировались на непримиримом конфликте между силами «добра» и «зла»³.

Поездка Дж.Ф. Даллеса на Ближний Восток в июне 1953 г. была обусловлена целым рядом причин. Важнейшей явилась революция в Китае, по поводу которой Даллес с горечью отметил: «Мы были потрясены тем, что 450 млн. китайцев от нас отпали... и то же может произойти на Ближнем Востоке»⁴.

Сомнительно, что ближневосточные режимы были склонны к принятию коммунистической альтернативы. Однако, американцы решили «перестраховаться» и через три месяца после выступления Даллеса ЦРУ свергнуло в Иране лидера организации «Национального фронта», Мохаммеда Мосаддыка, который принял решение о национализации иранской нефти.

«Международный нефтяной консорциум», который был создан вместо англо-иранской нефтяной компании (АИНК), позволил американцам потеснить английские монополии на нефть, в частности, в Иране, и занять ведущие позиции в нефтяной промышленности на Ближнем Востоке.

Однако в связи с невозможностью принятия кардинальных решений по Ближнему Востоку и вследствие все еще сильных позиций там Англии и Франции, Даллес продолжил блоковую стратегию, начатую еще при Трумэне, но не давшую желаемых результатов в силу тех же причин. Чтобы развеять ситуацию Даллес предпринял «турне» по ближневосточному региону. Его поездка дала четкие основания считать, что такие страны как Турция, Пакистан, Иран, Ирак и Сирия станут более надежным основанием для региональной оборонной организации.⁵

В выступлении по радио 1 июня 1953 г. Даллес настаивал на необходимости создания линии «обороны свободного мира» у южных границ Советского Союза. Этот план получил название «Северного яруса обороны». Он предусматривал создание блока, ядром которого станут ближневосточные страны под опекой США, а также двусторонние соглашения США о военной помощи с каждой из стран в отдельности.

---

² Dowy A. Middle East Crisis. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984. P. 25.

³ Усачев И.Г. Джон Фостер Даллес. Политический миф и реальность. М.: Мысль, 1990. С. 169-70.

⁴ The Department of State Bulletin. Washington. 1953. June 15. P. 831.

⁵ Foreign Relations of the United States. Washington: US Government Printing Office, 1952-1954. Vol. IX. P. 379-386.

Противоборство США и Англии на этом этапе выразилось в создании компромиссного Багдадского пакта, послужившего, с одной стороны, «Северному ярусу обороны», а, с другой стороны укреплению уже зыбких позиций Англии на Ближнем Востоке.

Период «пактомании» Даллеса сыграл достаточно важную роль. Несмотря на то, что США не были участниками Багдадского пакта, они имели своих представителей во всех его секциях. Влияние США в регионе безусловно усилилось. Кроме того, Багдадский пакт явился связующим звеном между НАТО (через Англию и Турцию) и СЕАТО, Организацией договора о Юго-Восточной Азии (через Англию и Пакистан). Более того, именно Ирак стал центром нового объединения, тогда как на Ближнем Востоке еще одна страна претендовала на лидерство, а именно Египет. Сложилась ситуация конфликтности, в частности, между Египтом и Ираком и в целом в арабском мире, что играло США «на руку».

Даллеса особенно интересовал Египет. Революция 1952 г. была встречена в США с энтузиазмом, так как являлась ослаблением позиций Англии. К тому же Вашингтон надеялся переманить Насера на сторону объединения с Западом.

Однако, эти надежды развеяла Бандунгская конференция 1955 г. В адрес ее Даллес направил приветственную телеграмму, которую называл «ловким шагом» американской дипломатии. Даллес в своем послании, от лица США, а, значит, старшего брата, рекомендовал неприсоединившимся странам, но прозападной ориентации, логику поведения, в частности, на конференции, поставив перед ними задачу дать понять остальным странам, что США сочувствуют начинаниям афро-азиатских стран. Однако, конференция продемонстрировала, что «ловкий шаг» не удался, в частности, Насер примкнул к неприсоединившимся странам. Таким образом, Даллес объявил нейтралισμό «аморальным» явлением, подтверждением чему послужила его программа от 28 марта 1955 г. с санкциями против Египта.

Поскольку на границах между Египтом и Израилем было неспокойно, Насеру необходимо было современное оружие. Израильские атаки были намного более успешными, нежели египетские, так что в информации, передаваемой «Радио Каир», порой, сильно преувеличивались египетские победы на «фронтах».

В сентябре 1955 г. после обращения Египта к СССР с просьбой о поставках оружия Даллес направил своего помощника Джорджа В. Аллена для передачи Насеру по сути ультиматума, где перед Египтом ставился выбор, либо он откажется от идеи приобретения оружия у советского блока, либо США разорвут с ним дипломатические отношения.

Насер, однако, из своих источников узнал об этом ультиматуме заранее и заявил, что не примет его и первым разорвет дипломатические отношения с США.

Наиболее интересна роль Даллеса во время Суэцкого кризиса.

Как впоследствии было признано рядом американских экспертов, отказ США финансировать строительство Асуанской плотины явился серьезной ошибкой. Разумеется, был целый ряд причин, которые толкали США на этот шаг. Во-первых, израильское лобби, выступавшее против этой идеи, а во-вторых, южные производители хлопка, радевшие за свои интересы. По свидетельству сына Эйзенхауэра, Джона, в момент принятия этого решения президент не мог активно выполнять свои обязанности, поскольку только что перенес тяжелую операцию. По мнению Джона, эта ситуация была использована Даллесом, который взял обратно данное ранее Египту согласие на финансирование строительства Асуанской плотины. «На моей памяти, – подчеркивал сын президента, – это был единственный случай, когда Даллес принял политическое решение без предварительной консультации с отцом»⁶.

---

⁶ *Eisenhower J. Letters to Mamie. N.Y.: Garden City, 1978. P. 187.*

В своих мемуарах Эйзенхауэр пишет, что после выздоровления он дважды письменно запрашивал Даллеса о возможности пересмотра такого решения, но оба раза государственный секретарь отвечал, что решение отменить уже нельзя⁷.

Даллес был уверен, что сможет дать достойный ответ на египетскую реакцию. Так, в интервью для «Тайм» Даллес поведал, что решение относительно Асуанской плотины было «шахматным ходом, которого дипломатия США не делала в течение долгого времени». По мнению Даллеса, Насер «попал в сложнейшую ситуацию, которая может быть использована на благо Америки при любом способе ее разрешения. В том случае, если президент обратится к русским, а те ответят отказом, это будет означать подрыв всей сети советских подачек во всем мире... Если же Советы согласятся субсидировать Насеру его плотину, то будет несложно объяснить странам-сателлитам, что их жизненные условия скудны потому, что Советы спонсируют Египет миллионами»⁸.

Насер решил вопрос по-своему. 26 июля 1956 г. президент объявил о национализации Суэцкого канала, что частично явилось решением проблемы финансирования плотины. До этого Суэцкий канал эксплуатировался Всеобщей компанией Суэцкого морского канала, где решающая роль оставалась за Англией. Не вдаваясь в детали, отметим, что на работы по реконструкции канала старая администрация затрачивала лишь 8% доходов от судоходства, а Египет получал лишь 15% прибыли, да, и то, формально.

Разумеется, как Англия, так и Франция не могли потерпеть сложившегося положения, но решили действовать сообща с США. В Лондон на совещание был приглашен Даллес, где тот высказал вполне недвусмысленную точку зрения, что контроль над Суэцким каналом не может осуществляться одной нацией, особо, если эта нация – египтяне.

Таким образом, на начальном этапе при обсуждении конкретных планов военных действий против Египта в нем принимали участие не только представители посольства США в Великобритании, но и лично госсекретарь. Вашингтон, позже, опровергал эти факты, однако они были подтверждены братом Джона Фостера, Алленом Даллесом, директором ЦРУ⁹.

Более того, Даллес изначально не выступал против применения военной силы. Она заявил: «Следует найти способ заставить Насера *выплюнуть* то, что он пытается проглотить... Мы должны предпринять недвусмысленные усилия, чтобы заставить общественное мнение с одобрением отнестись к международной операции на канале... Необходимо настроить мировое общественное мнение столь отрицательно по отношению к Насеру, чтобы тот оказался в изоляции. А затем, если потребуется, предпринять военную операцию, она пройдет с гораздо большим успехом, чем, если бы она предпринималась до этого, и не повлечет за собой отрицательных последствий серьезного характера»¹⁰.

Такая четкая позиция Вашингтона прослеживалась лишь на первом этапе переговоров между тремя странами по поводу ситуации на канале. После совещания в Лондоне официальная точка зрения США стала приводить в замешательство не только англичан и французов, но и ряд политиков внутри страны.

По возвращению домой, Даллес послал в Лондон своего заместителя Р. Мэрфи. Однако 29 июля Мэрфи сообщил своему боссу, что А. Иден и французский министр иностранных дел К. Пино предложили ему совместные военные действия против Египта. Даллесу ничего не оставалось делать, как спешно вернуться в Лондон. Он вновь говорил о том, что военную силу применять нельзя, но при определенных условиях все же можно: «...Мы должны предпринять энергичную попытку настроить мировое общественное мнение в пользу международ-

---

⁷ Eisenhower D. Waging Peace: The White House Years 1956-1961. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1965. P. 33-34.

⁸ Цит. по: Keith K. Suez. N.Y.: St. Martin's Press, 1991. P. 130.

⁹ Независимое военное обозрение. 2006. № 39. С.5.

¹⁰ Eden A. Full Circle: The Memoirs of the Rt. Hon. Sir Anthony Eden. L.: Cassel, 1960. P. 437.

ного управления каналом... И тогда, если и придется прибегнуть к военным действиям, они скорее увенчаются успехом и вызовут более благоприятные отклики»¹¹.

Первым планом Даллеса было предложение организовать конференцию в составе двадцати четырех лидирующих морских держав с целью выработать порядок свободного судоходства по Суэцкому каналу. По мнению Киссинджера, этот «маневр» Даллеса «стал началом путанного, а для Великобритании и Франции – выводящего из себя и в итоге чреватого унижением процесса»¹².

Следующий план Даллеса предполагал эксплуатацию канала Ассоциацией пользователей Суэцким каналом, которая собирала бы плату за проход через канал с помощью таможенных постов, расположенных на кораблях рядом с портами Порт-Саид и Суэц, но за пределами территориальных вод Египта. План был прост, но весьма продуман. Если бы Насер отказался от него, то АПСК смогла бы собирать «дань» и так, без его согласия, а если бы Насер принял этот план, то доходы от эксплуатации канала шли бы мимо казны государства. Насер отверг этот план. А, как полагал С. Ллойд, этот план «был хитроумным маневром, изобретенным Даллесом для того, чтобы оттянуть время и не дать разразиться событиям в разгар президентских выборов в США»¹³.

Таким образом, Даллес стал рассматривать Суэцкий вопрос с точки зрения дипломатии и юриспруденции. Предлагая оба плана, Даллес, безусловно, предусматривал роль собственной страны в эксплуатации канала. Англичане и французы, рассматривая такие меры как «недостаточные», делали ставку на применение силы, рассчитывая на одобрение США. Любые «формулы» Даллеса по международному управлению каналом не принимались ни Великобританией, ни Францией, поскольку они вообще не хотели признавать факта национализации.

Как уже говорилось, с момента возвращения Даллеса из Лондона, госсекретарь перестал упоминать саму возможность применения военной силы. Так, 3 августа Даллес заявил: «Мы не хотим... отвечать насилием на насилие. Мы хотим, прежде всего, выявить мнение множества заинтересованных наций, ибо полагаем, что все нации, кого это касается, включая Египет, с уважением отнесутся к трезвому мнению наций, являющихся участниками международного договора 1888 года и признающих его условия, направленные на их общее благо»¹⁴.

2 октября на пресс-конференции, которая была посвящена, в частности, вопросу Суэца, Даллес вновь высказался против применения силы. В это самое время Франция и Англия уже вели окончательные приготовления к агрессии. Несмотря на то, что Даллес пытался отговорить Англию и Францию от обращения к Совету Безопасности ООН, они предприняли эту меру, рассчитывая таким образом навязать Египту «Ассоциацию пользователей», которую сами для себя не считали приемлемой мерой разрешения ситуации. Принятию англо-французской резолюции воспрепятствовало отрицательное голосование Советского Союза.

Тройственная агрессия, которая началась 30 октября вторжением израильских вооруженных сил на территорию Египта, и к которым немногим позже присоединились Англия и Франция, во многом обязана политике «двойной игры» даллесовской дипломатии. Неоднозначные, противоречивые, двусмысленные высказывания Даллеса по поводу применения силы в Египте явились одной из причин, подтолкнувших Англию, Францию и Израиль к открытому нападению. Недаром британский министр Г. Моррисон говорил о «двуличности» Даллеса и «его примечательной и прискорбной традиции говорить правильную вещь утром и делать неправильную после обеда».

---

¹¹ *Eden A.* Op. cit. P. 437.

¹² *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 479.

¹³ *Lloyd S.* Suez 1956: A Personal Account. London: Jonathan Cape, 1978. P. 131-132.

¹⁴ Заявление Даллеса в государственном департаменте США 3 августа 1956 г. (The Suez Canal Problem, July 26 – September 22, 1956: A Documentary Publications. Washington Department of State, 1956. P. 37).

Доказательством «двойной игры» американской дипломатии в лице Даллеса является его разговор в середине ноября с министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом. Ллойд посетил Даллеса в больнице «Уолтер Рид», где последний проходил серьезные обследования. По воспоминаниям Ллойда, Даллес спросил его: «Сельвин, почему вы остановились? Почему вы, несмотря ни на какие трудности, не свалили Насера?» Ллойд был шокирован, потому как такие крамольные вещи говорил ему человек, который противился военному вторжению Англии и Франции в Египет. Однако Ллойд, ответил, что если бы «вы» «нам» наемнули (дословно, «подмигнули» – К.А.), мы бы пошли дальше». Даллес ответил, что он не мог этого сделать¹⁵.

Характерно в этой связи и признание Р. Мэрфи, который упрекнул Ги Молле в том, что Англия и Франция не продолжили войну до победного конца. «Я знаю своих соотечественников, – заявил он, – Эйзенхауэр и Даллес изменили бы свои позиции перед фактом успеха»¹⁶.

Оценка действий президента и его госсекретаря до сих пор остаются предметом спора в американских научных кругах. Известно, что США встали на сторону СССР в этом конфликте. Как считает, например, историк Дж. Хастон, эта позиция оказалась «недальновидной», так как среди союзников США «рухнула вера в НАТО и в американскую поддержку»¹⁷. Газета «Нью Йорк Таймс» откровенно выражала сожаление по поводу того, что «США оказались в странном сообществе», голосуя вместе с СССР «против Англии и Франции»¹⁸. Однако есть и историки, которые в целом согласны с позицией Даллеса и которые считают, что в 1956-1957 гг. решающую роль играло укрепление собственных позиций США на Ближнем Востоке, нежели поддержка союзников¹⁹.

Провал Тройственной агрессии позволил США выступить подлинным защитником стран периферии. После всестороннего банкротства Англии и Франции США смогли беспрепятственно приступить к «миссии руководства» Ближним Востоком. Двучленная дипломатия Дж.Ф. Даллеса расчистила США путь на Восток, а в геополитическом отношении, как это понимали американцы, был налицо «вакуум силы». «... Советский Союз – подлинный враг, и все остальное должно рассматриваться на фоне этой истины». Это означало заполнение «существующего вакуума на Ближнем Востоке... прежде чем он будет заполнен Россией»²⁰.

Суэцкий кризис заложил основы потери влияния Англии и Франции в регионе, а провозглашенная в 1957 г. доктрина Эйзенхауэра, называвшаяся часто двойным именем Эйзенхауэра-Даллеса, юридически закрепила лидирующее положение США на Ближнем Востоке.

Библиография:

1. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997.
2. Усачев И.Г. Джон Фостер Даллес. Политический миф и реальность. М.: Мысль, 1990.
3. Blum J.M., . McFeely W.S, Morgan E.S., Schlesinger Jr. A.M., Stampff K..M. The National
4. Copeland M. The Game of Nations. N.Y., 1969.
5. Dallek R. The American Style of Foreign Policy. N.Y., 1983.
6. Dowty A. Middle East Crisis. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
7. Eden A. Full Circle: The Memoirs of the Rt. Hon. Sir Anthony Eden. L.: Cassel, 1960.

---

¹⁵ Ibid. P. 219.

¹⁶ Цит. по: Tournoux J. Secret d'état. Paris, 1960. P. 151.

¹⁷ Current History. 1969. July. P. 29.

¹⁸ New York Time. 1956. November, 26.

¹⁹ Copeland M. The Game of Nations. N.Y., 1969. P. 213-214.

²⁰ Dallek R. The American Style of Foreign Policy. N.Y., 1983. P. 183.

8. Eisenhower D. *Waging Peace: The White House Years 1956-1961*. Garden City, N.Y.: Experience. A History of the United States. N.Y., 1968. Doubleday, 1965.
9. Eisenhower J. *Letters to Mamie*. N.Y.: Garden City, 1978.
10. Keith K. *Suez*. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.
11. Lloyd S. *Suez 1956: A Personal Account*. London: Jonathan Cape, 1978.
12. Tournoux J. *Secret d'état*. Paris, 1960.

«Европа поразит с первого разу...»: Европейизм и русская самость в творчестве Н.В. Гоголя

Орлов А.А.,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Аннотация: В статье не только прослежена эволюция взглядов Н.В. Гоголя на ведущие страны Западной Европы (Францию, Англию, германские земли) и их жителей на протяжении конца 1820-х – начала 1850-х гг., но и сделана попытка реконструировать его философскую концепцию, объясняющую взгляд на возможность гармоничного развития страны, нации и общества. Особое внимание обращено на формирование в сознании писателя обобщенных образов англичанина, француза, немца (германца) как позитивных или негативных примеров при создании обобщенного образа русского. Гоголь видел, что европейская цивилизация находится на грани важного перелома, движения к будущему. С его точки зрения, более всего к этому будущему была готова Англия, но она демонстрировала и наибольшее число проблем. Россия может избежать этих проблем. Она должна идти по собственному пути, используя свои уникальные преимущества. Роль русского (человека будущего) обозначена Гоголем вполне ясно. Он должен искать и найти гармонию в душе и в мире, а потом подарить важное знание всему человечеству.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, гоголевский период в русской литературе, Западная Европа второй четверти XIX в., обобщенные образы англичанина, француза, немца (германца), национальные стереотипы.

Период 1830-х – 1850-х гг. характеризовался ожесточенной идейной полемикой между западниками и славянофилами об исходных точках, путях развития и будущем России. Их борьба («великая литературная распря»²¹) породила непримиримую вражду, которая чем дальше, тем больше разделяла и сталкивала между собой представителей образованной части общества. Однако в указанный период были люди, которые стремились предложить другой путь движения вперед, примиряющий западников и славянофилов и, в то же время, основанный совсем на иных принципах. Если мы обратимся к идейному наследию Н.В. Гоголя, то увидим, что в его сознании постепенно вызрели две истины (говоря словами близко знавшего писателя литературного критика и мемуариста П.В. Анненкова): «...государство, находящееся в Европе, не может убежать от Европы»; «...русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия»²². Нет необходимости говорить об актуальности подобных утверждений. Но как же это сочетается? Мог ли Гоголь, приняв эти тезисы за основание рассуждения, придти к какому-либо позитивному (хотя бы для себя) решению проблемы?

В связи с этим, цель статьи – не только проследить эволюцию взглядов Гоголя на ведущие страны Западной Европы (Францию, Англию, германские земли) и их жителей на протяжении конца 1820-х – начала 1850-х гг. (Это важно, поскольку позволяет увидеть, как в сознании одного из наиболее проницательных русских писателей меняется отношение к европейским державам и их представителям, что отражает процесс самопознания и самопозиционирования образованного, но не участвовавшего в эпоху Николая I в государственном управлении, слоя русского общества). Меня также будет интересовать философская концепция Гоголя

---

²¹ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. С. 199.

²² Там же. С. 52, 97.

(насколько ее можно реконструировать по переписке и литературным произведениям), объясняющая его взгляд на возможность гармоничного (самобытного, но обязательно учитывающего достижения западной цивилизации) развития страны, нации и общества.

Тема «Гоголь и Англия» уже давно является предметом исследования отечественных специалистов. Занимались ею, в основном, филологи (лингвисты и литературоведы)²³, что естественно и понятно. Исторические аспекты затрагивались ими применительно к конкретным произведениям. Но если мы проанализируем идейное наследие Гоголя – социального философа, постоянно стремившегося популяризировать свои взгляды в разных слоях русского общества (от царской фамилии²⁴ и аристократии²⁵ до сапожника и угольщика), мы получим новые результаты и, может быть, лучше поймем, в какой накаленной (политической, экономической, идейной и т.д.) атмосфере он действовал. Эта атмосфера часто доводила народы до массового психоза, а государства – до революции. Гоголь же всегда и во всем искал гармонию. Ему показалось, что он ее нашел (без обращения к иностранному опыту это, конечно, сделать было невозможно) и он, с позиции учителя²⁶, решил передать истину другим людям. Какой творческой, а, значит, и личной, катастрофой все для него закончилось, хорошо известно. Но мне в данном случае интересно проследить становление историко-философской позиции писателя²⁷, в которой обобщенные образы англичанина, француза, немца (германца) будут позитивным или негативным примером (фоном) при создании обобщенного образа русского – человека будущего.

В январе 1829 г. Гоголь, только что окончивший Нежинскую гимназию высших наук, приехал в Петербург, полный разнообразных планов применения своих сил и талантов. Столица империи – пока еще предел его мечтаний, и он пишет другу и однокашнику Г.И. Высоц-

²³ Назовем здесь, прежде всего, последнюю по времени выхода работу: *Зишша М.В.* Образ Англии в творческом сознании Н.В. Гоголя // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8(112). С. 173-179. Список использованных автором литературоведческих трудов по данной проблеме см. на с. 178. В то же время И.Е. Лившиц полагает, что «...английский контекст творчества Гоголя – тема, сравнительно мало разработанная в гоголеведении, хотя оснований для ее разработки более чем достаточно». (*Лившиц И.Е.* Английский контекст творчества Гоголя. Н.В. Гоголь и Ч. Метьюрин. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М.: РГГУ, 2001. С. 3). Русские и иностранные филологи обращали внимание и на другие возможные аспекты «английского контекста» творчества Гоголя: *Уринов Д.М.* Гоголь и Диккенс // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка, 1985. Т. 44, № 1 (январь – февраль). С. 38-47; *Леблан Р.* В поисках утраченного жанра. Филдинг, Гоголь и память жанра у Бахтина / Пер. с англ. Т.Е. Каратеевой // Вопросы литературы, 1998. № 4 (июль – август). С. 81-116; *Шульц С.А.* Гоголь и Свифт («Мертвые души» и «Путешествия Гулливера») // Человек. 2015. № 2 (март – апрель). С. 153-163.

²⁴ «Все свои книги, начиная с “Вечеров на хуторе близ Диканьки” [1831-1832 гг.], Гоголь преподносил членам царствующего дома и самому Императору» (*Воропаев В.А.* Каждого из нас званье свято. Гоголь и Император Николай I. К 160-летию со дня смерти Государя Николая Павловича // Преподаватель XXI век, 2016. Т. 3. Ч. 2. С. 401).

²⁵ Тем не менее, Гоголь несколько не идеализировал, по его выражению, “безмозглый класс аристократии”, полагая: «...чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина» (Цит. по: *Альшиц Д.Н.* Николай Васильевич Гоголь – историк // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Труды международной научной конференции 23-25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Издат. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. С. 244). Добавлю, что Гоголь не идеализировал ни один класс русского общества и в этом продолжал дело Эразма Роттердамского как автора сатиры «Похвала глупости» (1509 г.). О близости творческих позиций Свифта и Гоголя с позицией Эразма в контексте коннотации «неразумие – безумие» упоминает и Шульц (Указ. соч. С. 162).

²⁶ Анненков пишет о том, что в период 1830-1836 гг. «...Гоголь был занят исключительно одной мыслью – открыть себе дорогу в этом свете...», т.е. стать авторитетом (в самых разных сферах) для современников. После пережитых в России разочарований и отъезда за границу летом 1836 г. «он... перенес жажду славы с современников на потомство» (*Анненков П.В.* Указ. соч. С. 29, 45-46. Надежда на признание потомства оказалась оправданной). В 1888 г. Л.Н. Толстой подготовил для издательства «Посредник» сборник текстов Гоголя, взятых из «Выбранной переписки с друзьями» (См.: Николай Васильевич Гоголь, как учитель жизни. М.: [Посредник]; тип. Сытина, 1888. 71 с.; впоследствии вышли еще 5 изданий этого сборника – в 1890, 1893, 1896, 1902 и 1910 гг.).

²⁷ Петербургский философ Н.И. Безлепкин пишет: «В произведениях Н.В. Гоголя... как и большинства классиков русской литературы, присутствует важный пласт философских размышлений, направленных на осмысление в художественной форме основных экзистенциальных проблем бытия. <...> У Гоголя не было собственной философской системы, всесторонне и глубоко продуманной, но он был мыслителем, сумевшим подняться до глубоких идейных обобщений» (*Безлепкин Н.И.* Н.В. Гоголь как философ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение, 2015. Вып. 3. С. 15).

кому в ответ на его предложение отправиться за границу: «Может быть, мне жизнь петербургская так понравится, что я поколеблюсь и вспомню поговорку: не ищи того за морем, что сыщешь ближе»²⁸. Но очень скоро Гоголь был разочарован Петербургом. Наблюдения за типами и характерами столичных обитателей на первых порах не дали ему того впечатления, на которое он надеялся. В его представлении город перемешал всех жителей, подчинил их себе, лишил индивидуальности. Вот строки из письма матери: «Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские, в свою очередь, обыностранились и сделались ни тем ни другим». Далее Гоголь пишет о трагической разъединенности петербуржцев, их полной зависимости от чужой управляющей воли, из-за чего «бесплодно издерживается» вся жизнь человека «в бездельных, ничтожных трудах»²⁹. Он уловил первые признаки начинающегося процесса атомизации русского общества, вызванного постоянным усложнением государственного и экономического механизма империи³⁰.

Гоголь увидел в этом одну из главных причин смерти человеческой души и бросился в бой за человека. Он напряженно искал сферу приложения своего труда, которая выдвинула бы его на роль идейного руководителя, направляющего людей по правильному пути. Какое-то время такой сферой ему виделось преподавание истории. (Он писал еще одному другу по Нежину М.А. Максимовичу, сообщая ему о том, что принял за «огромное творение» – «Историю Малороссии»: «Ничто так не успокаивает (так в тексте – А.О.), как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили»³¹.) Надеясь получить место профессора в Киевском университете, он написал для представления министру просвещения С.С. Уварову статью «План преподавания всеобщей истории», напечатанную в «Журнале Министерства народного просвещения»³². Гоголю хотелось самому прочитать свой план министру. В письме А.С. Пушкину он восклицает: «Во мне живет уверенность, что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты»³³. Но профессорского места в Киеве Гоголь не получил, попытки преподавать в институте Патриотического общества и в университете в Петербурге закончились провалом³⁴, служить в неболь-

²⁸ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. 7. Письма. М.: Художественная литература, 1979. С. 43, № 6. Письмо от 26 июня 1827 г. (далее – Гоголь-1979).

²⁹ Там же. С. 56, № 11. Письмо от 30 апреля 1829 г.

³⁰ Заскучав в Петербурге, Гоголь 24 июля 1829 г. выехал на пароходе за границу, посетил Любек, Травемюнде и Гамбург и в сентябре возвратился в Петербург. В «Авторской исповеди» (1847 г., 1-я публ. – 1855 г.) он пишет об этом путешествии: «Едва только я очутился в море, на чужом корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства... что, прежде, чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате» (Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах / Под общ. ред. С.И. Машинского, Н.Л. Степанова, М.Б. Храпченко. Т. 6. Статьи. М.: Художественная литература, 1967. С. 454; далее – Гоголь – 1966-1967).

³¹ Гоголь-1979. Т. 7. С. 93, № 31. Письмо от 9 ноября 1833 г. «Всесторонние знания и представления о прошлом нужны были Гоголю для осуществления главной цели его жизни, для того, чтобы передать их людям. Сначала с университетской кафедры, затем – со страниц своих литературных произведений и публицистических статей» (Альшиц Д.Н. Указ. соч. С. 249-250).

³² Гоголь включил эту статью (1-я публ. – ЖМНП, 1834. Ч. I, № 2. С. 189-209) в сборник «Арабески» (1835 г.) под названием «О преподавании всеобщей истории».

³³ Гоголь-1979. Т. 7. С. 97, № 34. Письмо от 23 декабря 1833 г.

³⁴ Этот провал был вызван не отсутствием у Гоголя способностей к преподаванию и желания преподавать, а его разочарованием в объективности исторического познания. В «Мертвых душах» есть такой отрывок разговора «дамы приятной во всех отношениях» и «просто приятной дамы»: «Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного. Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлезом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь

ших чинах он больше не хотел. Что оставалось? Оставалось только писать и воздействовать на людей тем, что отлично ему удавалось еще в Нежине – метким словом, яркими образами и сочным юмором.

В 1835 г. в сборнике «Арабески» появились три первые повести из цикла «Петербургские повести». Цикл был начат «Невским проспектом». И здесь оказалось, что город вовсе не усреднил всех его жителей. Их можно различить, разделить на классы, выявить характеры, жизненные ориентиры, понять причины их тоски или радости. Невский проспект – «...единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург». Резче всего в сознании автора выделяются иностранцы – англичане, французы и немцы³⁵. (Англичане появляются в пространстве Петербурга ранним утром. В очерке «Петербургские записки 1836 года» сказано: "Первые лодки с чиновниками, солдатами, старухами няньками, английскими конторщиками понеслись с Васильевского [острова] и на Васильевский"³⁶.) С 12-ти часов на Невский проспект выходят со своими питомцами английские и французские гувернеры и гувернантки. «Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностью изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы³⁷ и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее...»³⁸. Это глупо и пошло? Но родители отданных на воспитание иностранцам отпрысков ведут себя еще глупее и, как сказано далее в повести, тратят жизнь на совершеннейшие мелочи. Гоголь подтрунивает над английскими и французскими педагогами, однако, не отрицает их учености чисто практического толка, следовательно, права воспитывать русских детей³⁹. Или, добавлю от себя, воспитывать русских как детей?

Более подробно он говорит о немецких ремесленниках, жестоко наказавших поручика Пирогова за попытку соблазнения жены слесаря Шиллера. Этот слесарь, а также его друзья сапожник Гофман (громкие имена, но они только однофамильцы знаменитых писателей) и столяр Кунц высекли бедного поручика, застав его за фривольным танцем с женой Шиллера,

---

намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает на них, забывывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, – и рассуждение заключено словами: «Так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!» Потом во всеулышанье с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников» (Гоголь – 1966-1967. Т. 5. Мертвые души. Поэма. С. 221 (гл. 9)).

³⁵ В стихотворении княгини З.А. Волконской (урожд. княжны Зинаиды Белосельской) «Песнь Невская» (1837 г.) есть строфа, передающая впечатление столичной жительницы от многоголосого Петербурга: «Миллион языков там коверкают...» (Песнь Невская. 1837 (Неизданное стихотворение княгини З.А. Волконской) // Русский архив, 1872, № 10. Стлб. 1980).

³⁶ Гоголь – 1966-1967. Т. 6. С. 200. «Трудно схватить общее выражение Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию; так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения, еще не слившегося в плотную массу. Сколько в нем разных наций, столько и разных слоев обществ. Эти общества совершенно отдельные: аристократы, служащие чиновники, ремесленники, англичане, немцы, купцы – все составляют совершенно отдельные круги, редко сливающиеся между собою, больше живущие, веселящиеся невидимо для других» (с. 190-191).

³⁷ Почему они бледные? Может быть, потому, что много времени провели за книгами? В той же повести чуть дальше читаем: бывает, что среди гуляющих по Невскому проспекту с четырех часов покажется «...какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкой в руках...» (Там же. Т. 3. Повести. С. 12).

³⁸ Там же. С. 9.

³⁹ В письме к П.А. Плетневу от 21 января 1850 г. Гоголь писал о том, что осенью прошлого года гостил в калужском доме А.О. Смирновой-Россет («...она принялась именно за то дело, за которое всякая женщина, по-моему, должна бы приняться с самого начала, то есть за хозяйство и всякие экономические заботы по имению»). Три дочери Смирновой «...воспитываются хорошо благодаря гувернантке, мисс [М.Я.] Овербек, уединенью и близости от жизни деревенской» (Гоголь-1979. Т. 7. С. 342, № 156. В пьесе «Отрывок» 1842 г.) один из героев (Собачкин) говорит о том, что городскую даму Наталью Андреевну считают образцом домашней хозяйки: «Толкуют: "Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит их по-аглички!"» (Гоголь – 1966-1967. Т. 4. Драматические произведения. С. 242).

впрочем, довольно глупой немкой. Данный эпизод Гоголь использует для показа, с одной стороны, немецкой пошлости и ограниченности, а, с другой, гибельной стороны русской натуры (на примере Пирогова), маловосприимчивой к оскорблению личного достоинства и чести. (Еще одна проблема русского характера – бесплодная мечтательность и погоня за фантомами – передана через образ художника Пискарева⁴⁰. Убив его в повести, Гоголь распрощался с романтическими писательскими опытами своей юности, такими, как поэма с немецким колоритом ("идиллия в картинах") «Ганц Кюхельгартен» [1829 г.]⁴¹.)

Говоря о том, что «Шиллер был совершенный немец, в полном смысле всего этого слова», Гоголь дает такую его характеристику: «Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже Шиллер измерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае не делал исключения»⁴². Другими словами, человек перестал быть человеком, а стал механизмом, подобным тем, что он искусно изготавливал сам. Раскаяться в том, как он живет, он не может даже с помощью выпивки, потому что пьяные посиделки с друзьями – это часть его раз и навсегда установленного жизненного плана. Гоголь пишет, сравнивая два национальных типа: «Пил он вовсе не так как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь на крючок и нарезывается один. Напротив, он, как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцом (так в тексте – А.О.), тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер благородного Шиллера...»⁴³.

Мы видим, что уже в «Невском проспекте» Гоголь поставил точку на увлечении немецкой философией (невероятной популярной в России того времени, да и в дальнейшем) и немецким образом жизни. Здесь для него не было откровения, не было пути к гармонии. Он еще просил в том же 1835 г. своего московского друга М.П. Погодина, вернувшегося из путешествия по Германии, при встрече в Петербурге рассказать ему, «...что и как было в пути и что Немещина и немцы. ... Я жадно читал твое письмо в “Журнале просвещения”, но еще хотел бы слушать изустных прибавлений. Уведомь, какие книги привез и что есть такого, о чем нам неизвестно»⁴⁴. Но в 1836 г. Гоголь уехал за границу, проехал по многим городам Германии и утвердился в неприятии германофильства. Напротив, он теперь категорически отрицал стремление русских увлекаться «сумрачным немецким гением». В письме своей бывшей ученице М.П. Балабиной (в замужестве – Вагнер) из Рима от 7 ноября (н.ст.) 1838 г. Гоголь критиковал ее привязанность к Германии. «Конечно, не спорю, иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента... Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какую ее мы представляем себе. Не кажется ли она нам такую только в сказках Гофмана? Я, по крайней мере, в ней ничего не видел, кроме скучных табльдотов и вечных, на одно и то же лицо состряпанных кельнеров и бесконечных толков о том, из каких блюд был обед и в котором городе лучше едят; и та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я

---

⁴⁰ Пискарев в своих снах грезит о прекрасной девушке, которая оказалась проституткой. Однажды ему приснилась встреча с ней во время бала, где в танцевальном зале «...он услышал столько слов французских и английских...». Но эти слова не пробудили его от губительного сна. Купец-персиянин (представитель Востока) дал ему опиум (точнее говоря, лауданум) за обещание нарисовать портрет «красавицы» с черными бровями и большими, как маслины, глазами, окончательно погрузив бедного Пискарева в летаргический сон. Там же. Т. 3. С. 21, 27.

⁴¹ Поэма была переведена на немецкий язык У. Штейндорфом и опубликована в последнем томе собрания сочинений Гоголя в год начала Первой мировой войны. – *Sämtliche Werke*. In 8 Bdn / Hrsg. von O. Buek. München: Muller, 1909-1914 (Bd. 8. Dasselbe. 2 tl. Hans Küchelgarten / Deutsch von U. Steindorf, 1914). Новое издание этого собрания сочинений вышло в свет вскоре после окончания войны (Berlin: Propyläen, 1920).

⁴² Гоголь – 1966-1967. Т. 3. С. 40.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Гоголь-1979. Т. 7. № 57. С. 122-123. Письмо от 6 декабря 1835 г.

увидел Германию в самом деле, так, как исчезает прелестный голубой колорит дали, когда мы приблизимся к ней близко»⁴⁵.

В дальнейшем мы встречаем в переписке Гоголя крайне уничижительные характеристики всего немецкого. В письме Балабиной от 30 мая (н.ст.) 1839 г. он высказывается так: «Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем... По мне, Германия есть не что другое, как самая неблагоприятная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива. Извините маленькую неопрятность этого выражения. Что ж делать, если предмет сам неопрятен, несмотря на то, что немцы издавна славятся опрятностью?» Но в этом же письме мы находим отголосок давнего увлечения Гоголя. Пытаясь объяснить сам себе причины германофильства ученицы, он спрашивает ее: «Или, может быть, для этого нужно жить в Петербурге, чтобы почувствовать, что Германия хороша?»⁴⁶ Узнав от своего друга поэта Н.М. Языкова о переводе первого тома «Мертвых душ» на немецкий язык⁴⁷, Гоголь писал (в 1846 г.), что такое известие было для него неприятно. Ему не хотелось, чтобы иностранцы, как ранее и соотечественники, приняли поэму за негативный портрет России. Тем не менее, он просил Языкова: «Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то ни се. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в “Revue de Deux mondes” и в “Des Débats”. Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волосы, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потом я бы хотел следовать (т.е. следить – А.О.) за всем, что обо мне там ни говорится»⁴⁸.

Вообще, чем больше Гоголь узнавал какую-либо западноевропейскую страну, тем больше он в ней разочаровывался. Это касается даже обожаемой им Италии, хотя и в меньшей степени, чем Германии, Швейцарии или Франции. Гармоничного соединения общества и госу-

⁴⁵ Там же. № 79. С. 175. Анненков пишет о том, что «Гете и вообще немецкая литература почти не существовали для него», т.е. для Гоголя (Анненков П.В. Указ. соч. С. 36).

⁴⁶ Там же. № 82. С. 186.

⁴⁷ Немецкий перевод «Мертвых душ» (Ф. Лебенштейна) был издан в 1846 г. в Лейпциге (Die todten Seelen. Ein satyrisch-komisches Zeitgemälde / Aus dem Russischen übertr. Ph. Löbenstein. Leipzig: Reclam, 1846). Впоследствии поэма в переводе Лебенштейна переиздавалась еще трижды – в 1871, 1881 и 1920 гг. В 1846 г. вышли немецкие переводы (Г. Бодэ с французского перевода Л. Виардо 1845 г.) и некоторых повестей Гоголя (Russische Novellen / Nach L. Viardot übertr. von H. Bode. Bd. 1-2. Leipzig: Klemm, 1846). Отмечу, что немецкие переводы произведений Гоголя появлялись и раньше 1846 г. Например, повести «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» из цикла «Миргород» (1835 г.) были опубликованы по-немецки в 1840 и 1841 гг. (первая) и в 1844 г. (вторая) (см. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н.В. Гоголя / Сост. М.С. Морщинер, Н.И. Пожарский; отв. ред. М.П. Алексеев. М.: Всесоюзная гос. биб-ка иностр. лит-ры, 1953. С. 32, № 212, 213; с. 37, № 287; далее – Библиография переводов...). Первая информация о самом Гоголе на немецком языке появилась в 1836 г. в журнале «Листки для литературных бесед», в котором рассказывалось о петербургской постановке «Ревизора». Корреспондент понял комедию только как острую сатиру на взяточничество и продажность чиновников. Но уже Р. Липперт в статье «Взгляд на русскую литературу 1846-1847 гг.» заявлял, что «...Гоголь коренным образом меняет эстетические представления русских и европейских читателей, создает новые способы и формы изображения окружающей действительности» (Цит. по: Смирнов А.А. Восприятие русской литературы в Германии: Пушкин, Лермонтов, Гоголь // Россия и Германия. Сборник статей по материалам международной научной конференции «Россия и Германия: литературные и культурные связи в XVIII-XXI веках» / Сост. Н.И. Михайлова, В.А. Невская. М.: Гос. музей А.С. Пушкина, 2015. С. 59). Журналист, литературный критик и искусствовед В.П. Горленко (1853-1907) писал: «...В европейской публике, за исключением, может быть, немецкой, которой Гоголь знаком наиболее, наш поэт пользовался вниманием почти одних только тонких ценителей, не проникая в “толпу”, дающую, впрочем, успех, как видим сплошь и рядом, и второклассным писателям и разным литературным эфемеридам. ... Многочисленные немецкие переводы [произведений Гоголя] выходили во всех главных германских книжных центрах» (Горленко В.[П.] Литературные очерки. Гоголь и иностранцы // Горленко В.[П.] Отблески. Заметки по словесности и искус[с]тву. [2-е изд.]. СПб.: Типо-лит. «Энергия» (Э.М. Шапиро), [1906]. С. 1, 2). «Ревизор» был переведен на немецкий язык в 1854 г., а на английский – только в 1890 г. (Der Revisor. Lustspiel in 5 Acten. Bearb. von A. von Viedert. Berlin: Trowitsch, [1854]; The Inspector. Transl. by T. Hart-Davies. Calcutta: Thacker Spink, 1890. Об этом см.: Библиография переводов... С. 67, № 649; с. 70, № 689).

⁴⁸ Гоголь-1979. Т. 7. С. 262-263, № 117. Письмо от 8 января (н.ст.) 1846 г.

дарства, человека и общества нигде не отыскивалось⁴⁹. «Европа поразит с первого разу, когда введешь в ворота, в первый город. Живописные домики, которые то под ногами, то над головою, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающий вместе с виноградом стены и ограды, все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имеет этого, но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо», - писал Гоголь товарищу по Нежинской гимназии Н.Я. Прокоповичу в 1836 г.⁵⁰ Из заграничного далека милым спокойным местом казался и Нежин, и Петербург. В том же письме есть такие строки: «В Петербурге все можно сделать, все под рукою: не нравится служба – перемени и бери другую. Притом, как бы ни было, ближе к людям, ближе к миру литературному и крещеному. В провинции этого нельзя сделать. Захочешь писатоночки⁵¹, есть типография и книгопродавцы, все перед глазами. Я уж и не говорю о многих других удобствах и о том, что жаль оставить Петербург. И для меня теперь Петербург остается чем-то таким приятным»⁵².

Франция поразила Гоголя бестолковой суетой и политическими дразгами. От этого житейского мусора скрыться было решительно невозможно. «Жизнь политическая, жизнь, вовсе противоположная смиренной художнической, не может понравиться таким счастливым праздным, как мы с тобою, – писал он Прокоповичу. – Здесь все политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякий хлопочет, нежели о своих собственных»⁵³. По словам Анненкова, Гоголь «...не любил... французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил, “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”»⁵⁴. Впрочем, он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным «за небрежение к этому писателю»⁵⁵. Говоря о совместной жизни с Гоголем в Риме летом 1841 г., Анненков пишет: «... Францию, которую считал родоначальницей легкомысленного презрения к поэзии прошлого, начинал он ненавидеть от всей души. ... Он много говорил дельного и умного о всесветных преобразователях, не умеющих отличать жизненных особенностей, никогда не уступаемых народом, от тех, с которыми он может расстаться, не уничтожая себя как народ, но упускал из виду заслуги сей истории Франции перед общим европейским образованием. Впрочем, твердого, невозвратного приговора как в этом случае, так и во всех других, еще не было у Гоголя: он пришел к нему позднее»⁵⁶. И приговор этот оказался суров. «Намек на то, что европейская цивилизация может еще ожидать от Франции важных услуг, не раз имел силу приводить невозмутимого Гоголя в некоторое раздражение. Отрицание Франции было у него так невозвратно и решительно, что при спорах по этому предмету он терял свою обычную осторожность и осмотрительность и ясно обнаруживал не совсем точное знание фактов и идей, которые затрогивал (так в тек-

⁴⁹ «Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь: ты, да несколько других близких, да небольшое число заключивших в себе прекрасную душу и верный вкус. Я не пишу тебе ничего о моем путешествии. Впечатления мои уже прошли, уже я привык к окружающему, и потому описание его, сомневаюсь, чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старые готические церкви», - писал Гоголь Погодину (Там же. Т. 7. С. 141, № 68. Письмо от 22/10 сентября 1836 г.).

⁵⁰ Там же. С. 143, № 69. Письмо от 27 сентября (н.ст.?) 1836 г.

⁵¹ Слово из особого детского языка, который Гоголь и Прокопович изобрели в Нежинской гимназии.

⁵² Гоголь-1979. Т. 7. С. 142.

⁵³ Там же. С. 151, № 72. Письмо от 25 января (н.ст.) 1837 г.

⁵⁴ В повести «Рим» (1842 г.) – отрывке незавершенного романа «Аннунциата» – из цикла «Петербургские повести» Гоголь противопоставляет французов и итальянцев и в этом, по оценке Анненкова, проявляет себя «... столь же глубоким этнографом, сколько и великим живописцем-поэтом» (Анненков П.В. Указ. соч. С. 51).

⁵⁵ Там же. С. 36.

⁵⁶ Там же. С. 53.

сте – А.О.)»⁵⁷. С Францией как с возможным идеалом гармонии писатель тоже распрощался, поскольку, в отличие от многих современников, успел «...освободиться от суетных волнений своей эпохи и поставить себе опережающие ее задачи»⁵⁸. Освободиться от «французского байронизма» Гоголю было необходимо еще и потому, что увлечение это всегда сталкивало мыслящих русских людей с властью не к пользе первых⁵⁹. Революционный вихрь «...с берегов Сены... опустошал преимущественно у нас зачатки благих предначертаний», – отмечал Анненков⁶⁰.

Англию Гоголь не посетил (возможно, сознательно?), хотя такое намерение у него было⁶¹. О стране он судил, прежде всего, по ее искусству и наукам, по интенсивности и насыщенности религиозной жизни, по людям, увиденным на дорогах и в городах Европы, по тем благам жизни («комфортам», по его выражению), которые Англия за высокую плату (высокая плата – высокое качество!) обеспечивала себе и миру, и, наконец, по стереотипам, сформирова-

---

⁵⁷ Там же. С. 174. Раздраженный отзыв Гоголя вызвало замечание Анненкова о том, что «..Франция – очаг, подставленный под Европу, чтобы она не застыла и не плесневела».

⁵⁸ Там же. С. 173-174. «Надо сказать, что прения по поводу Франции и ее судеб раздавались во всех углах Европы тогда, да и гораздо позднее, вплоть до 1848 года. Вероятно, они происходили в то же время и... в нашем отечестве, потому что с этих пор симпатии к земле Вольтера и Паскаля становятся очевидными у нас, пробивают кору немецкого культурного наслоения и выходят на свет. Но и при этом следует заметить, что русская интеллигенция полюбила несовременную, действительную Францию, а какую-то другую – Францию прошлого, с примесью будущего, то есть идеальную, воображаемую, фантастическую Францию...» (с. 175).

⁵⁹ Во французской литературе Гоголь уже с середины 1840-х гг. пользовался довольно большой популярностью. Первые переводы его произведений на иностранные языки появились именно на французском. О нем писали Ш.О. де Сент-Бев и П. Мериме. В 1845 г. в Париже были изданы «Повести» Гоголя в переводе Л. Виардо, которому помогал молодой И.С. Тургенев (*Nouvelles Russes, par N. Gogol. Traduit et publié par L. Viardot. Paris: Paulin, 1845*). Сюда вошли «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий». Книга была благожелательно встречена французской прессой. Интерес к Гоголю во Франции продолжал расти. «Мертвые души», вероятно, первый раз были упомянуты в «Illustration» в 1845 г. (19 juillet. T. VI. P. 330). В 1846 г. критик газеты «National» сообщил уже краткие биографические сведения о Гоголе, дал обзор его литературной деятельности и также упомянул о «поэме» «Мертвые души» и об «остроумной» комедии «Ревизор». В следующем году те же произведения назвал Ш. Сен-Жюльен в своей статье о Пушкине (*Revue des Deux Mondes, 1847, 1 octobre. P. 75*). Позднее он посвятил Гоголю несколько страниц в статье о гр. В.А. Соллогубе (*Revue des Deux Mondes, 1851, 1 octobre. P. 67 и сл.*). В 1847 г. в либеральном органе, издававшемся Жорж Санд, «Revue Indépendante» (T. X. P. 119, 120), «Ревизор» был назван «самым высоким драматическим созданием, какое когда-либо являлось в русской литературе». Тон французской прессы меняется после 1848 г., на чем, безусловно, сказалась крепнувшая враждебность общественного мнения страны по отношению к России Николая I, недовольство его охранительной во всеевропейском масштабе политикой. В 1851 г. в «Revue des Deux Mondes» появилась статья Мериме о Гоголе. В ней уже чувствуется некоторый холодок и плохо скрытое предубеждение. В статье «Литература и крепостное право в России» (*Revue des Deux Mondes, 1854, 1 juillet. P. 193*) Мериме приветствовал в Тургеневе склонность «избегать безобразного, которое автор «Мертвых душ» ищет с таким любопытством» и осуждал в Гоголе его «фальшивый смех... часто более печальный, чем слезы», удивляясь тому, как этот писатель, «который, как ему пришлось слышать, был честнейшим человеком в мире и вдохновлен был искренней набожностью», остался все же «безжалостным насмешником». Несколько ранее Мериме был сделан перевод «Ревизора» (под заглавием «l'Inspecteur général»). На этот перевод откликнулись Н. де Вайи (*l'Athenaeum Français, 3 juillet, 1852*), Э. Делессер (там же, 30 juillet, 1853), пожалевший об усилиях, затраченных переводчиком на это «мало оригинальное произведение», форма которого показалась ему «достаточно вульгарной», Г. Планш (*Revue des Deux Mondes, 1854, 15 septembre*), высказавшийся в том же смысле. Постановка «Ревизора» на парижской сцене в самый разгар Крымской войны не только не способствовала популярности этого произведения, но окончилась полной неудачей. Пьеса Гоголя была осуждена, а патриотическая ненависть к России закреплена в театральных рецензиях, где «Ревизор» получил полное осуждение. (Пьесе, поставленной в театре Пале-Рояль, не спасла даже игра «отличного актера Жефруа в роли Городничего» (*Горленко В. [П.] Указ. соч. С. 2.*) Таким образом, переводчик с русского А. Делава имел все основания сказать в 1854 г. в своей статье о Герцене, что творчество Гоголя «очень плохо понято французской критикой» (*l'Athenaeum Français, 18 mars 1854*). Что касается отзывов Мериме о Гоголе, то Тургенев под свежим впечатлением от смерти Гоголя писал Виардо 12 февраля 1852 г.: «Нужно быть русским, чтобы чувствовать его. Наиболее прозорливые умы среди иностранцев, напр[имер], Мериме, увидели в Гоголе только юмориста на английский образец. Историческое значение его ускользнуло от них полностью» (Цит. по: *Алексеев М.П. Комментарии // Барбе д'Оревиля Ж.А. Николай Гоголь // Гоголь Николай Васильевич. [Электронный ресурс]. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=9&sub=6&part=3#> (дата обращения: 18.10.2017)).*

⁶⁰ *Анненков П.В.* Указ. соч. С. 336. Термин «французский байронизм» Анненков употребил применительно к творчеству М.Ю. Лермонтова, в котором (в творчестве) В.Г. Белинский распознал его отголосок, «...как этот выразился в литературе парижского переворота 1830 года и в произведениях «юной Франции», так же, как и примесь «...нашего русского великосветского фронтдерства, построенного на еще более шатких основаниях, чем парижский скептицизм и отчаяние» (с. 148).

⁶¹ *Зинина М.В.* Указ. соч. С. 174. О желании поехать в Англию Гоголь писал Жуковскому и Языкову в 1846 г., а также А.П. Толстому в 1847 г.

ровавшимся в сознании русского человека. Но в чем-то Гоголь, как внимательный и мудрый наблюдатель, отошел от этих стереотипов, сумев предугадать главные направления будущего развития Англии, а, значит, и всей Европы. Политика – это «...не абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков...», – пишет он Погодину, критикуя его увлечение произведениями немецкого ученого А. Герена⁶². Здесь Гоголь предвосхитил идею знаменитого английского философа Джона Рескина, полагавшего: нравственное состояние нации отражается в искусстве и это есть «политэкономия искусства»⁶³. Вообще, надо сказать, что гоголевское видение «туманного Альбиона», в отличие от его оценки Германии и Франции, оказалось удивительно разнообразным и многомерным.

Представления Гоголя об Англии и англичанах складывались постепенно из разных кусочков этого трудного пазла (А.С. Хомяков недаром однажды заметил: «Основное жизненное начало народа, откуда все исходит, весьма часто не только не понимается другими народами, да нередко и им самим. Примером тому может служить Англия, и доселе не понимаемая... ни чужеземными, ни *своими* [курсив в тексте – А.О.] писателями. При одном формально-научном образовании и при одном логическом способе добывания идей... нет и возможности уловить душу народа, уразуметь начала, которыми он живет»⁶⁴.) В сознании Гоголя одно вело за собой другое. Выше уже говорилось о том, что он отметил в «Невском проспекте» и «Петербургских записках 1836 года» деловитость, индивидуализм и практические знания англичан. Собирая английские кипсеки (от *англ.* keepsake – роскошные издания гравюр и рисунков [чаще всего женских головок], иногда с текстом) «...с видами Греции, Индии, Персии и проч., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью», и «...дорогие альманахи, из которых... почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных нравов (так в тексте, надо: народов – А.О.) и на их художественные требования»⁶⁵, он убедился в том, что англичане обладают тонким художественным вкусом и техническими навыками, позволяющими создавать превосходные произведения⁶⁶. Что это, как не гармония духа и тела, возвышенного и материального?

В петербургский период жизни Гоголь ежедневно получал доказательства такой идеи. Да и где, как не в Петербурге (главном центре масштабной русско-английской морской торговли⁶⁷) было убеждаться в этом. В письме матери от 30 апреля 1829 г. он извиняется: «...не забыл моего обещания касательно [покупки для подруги семьи Александры Федоровны] филейных иголок, но в британском магазине они все вышли, а русских я не хочу покупать; чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее»⁶⁸. В письме к А.С. Дани-

⁶² Гоголь–1979. Т. 7. С. 111, № 44. Письмо от 2 ноября 1834 г. Речь идет об изданной М.П. Погодиным книге «Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (Ч. 1-2. М., 1835-1837), представлявшей собой извлечения из труда Герена "Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt" (Bd. 1-6. Göttingen, 1824-1826). По мнению Гоголя, высказанному в статье "Шлецер, Миллер и Гердер" (1832 г.), Герен не смог избежать одностороннего подхода к истории (Гоголь – 1966-1967. Т. 6. С. 108).

⁶³ Рескин Дж. Лекции об искусстве. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2013. С. 12, 14, 118.

⁶⁴ Цит. по: Анненков П.В. Указ. соч. С. 235. Искаженная цитата из статьи Хомякова «Мнение иностранцев о России» (Москвитинин, 1845. Ч. II, № 4. Отд. I. Изящная словесность. С. 21-48 [цит. с. 28-29]).

⁶⁵ Анненков П.В. Указ. соч. С. 33-34.

⁶⁶ Гоголь всегда с огромным вниманием относился к людям – специалистам своего дела. Он сам, по выражению Анненкова, имел некоторую «страсть к рукодельям» (Там же. С. 67). Как было показано выше, Гоголь не был чужд практическим интересам в жизни. Анненков недаром, при сравнении его с Белинским, называет Гоголя «поэтом реальной жизни» (с. 146).

⁶⁷ О том, что морские перевозки в Петербург и из Петербурга осуществлялись, в основном, на британских кораблях см.: Неболсин Г.[П.] Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 2. СПб.: тип. Деп-та внеш. торг., 1835. Отд. 3. С. 92-93; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798-1807 гг.). М.: изд-во АН СССР, 1962. С. 35-37, 67, 481.

⁶⁸ Гоголь–1979. Т. 7. № 11. С. 58.

левскому от 2 ноября 1831 г. читаем: «В здешних (т.е. петербургских – А.О.) магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и все совершенное объядение (так в тексте – А.О.)»⁶⁹. В «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет есть следующий отрывок: она хотела подарить Гоголю портфель (точнее говоря, небольшой чемодан) – шедевр английского магазина, купленный во Франкфурте. В портфель можно было уложить пачку бумаги в 48 листов (две дэсти), чернильницу, перья, маленький туалетный прибор и деньги. Гоголь отказался от подарка, посоветовав Смирновой подарить «товар английского искусства» В.А. Жуковскому, который «...унес его с благодарностью»⁷⁰. Мне уже приходилось писать о том, как в пьесе «Женитьба» (первая публ. – 1842 г.) бывший моряк Жевакин с восторгом описывает свой мундир из превосходного английского сукна⁷¹. «Важное аглицкое сукно², из которого шит фрак Хлестакова и которое тот не ценит («...рублев полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать...») упоминает слуга Осип в «Ревизоре»⁷².

Казалось бы, все это мелочи, но мелочи характерные. Постоянное сравнение (у них есть, а у нас нет, их товар хорош, а наш дурен, они могут, а мы нет) приводило Гоголя, упорно занимавшегося изучением религиозных, правовых систем и «естественных законов» разных народов и государств, а также политэкономии⁷³, к осознанию того, почему это происходит⁷⁴. Россия не дошла еще в своем развитии до той степени индустриальной цивилизации, которая существует в Англии. Виной всему (так ему тогда казалось) крепостное право. Именно оно заставляет русских помещиков хозяйствовать по старинке, ничего не делать для интенсификации производства. Отдыхая в родной Васильевке летом 1832 г., он написал письмо поэту и бывшему министру юстиции И.И. Дмитриеву, в котором, говоря о богатстве малороссийской природы, сетует на бедность народа, разорение помещичьих имений и огромные недоимки. «Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои

⁶⁹ Там же. № 19. С. 72.

⁷⁰ Записки А.О. Смирновой, урожденной Россет с 1825 по 1845 гг. / Сост. К. Ковальджи. М.: Московский рабочий; НПК «Интелвак», 1999. С. 314 (далее – Записки А.О. Смирновой...).

⁷¹ Орлов А.А. Е.Ф. Канкрин и поставки английских мундирных сукон в Россию в 1815-1817 гг. // Клио. Журнал для ученых. 2000. № 2 (11). С. 55. В пьесе можно еще найти воспоминания Жевакина об английских моряках в Сицилии и сожаление о разбитом Подколесиным (в одной из первых сцен) зеркале, купленном в английском магазине.

⁷² Гоголь – 1966-1967. Т. 4. С. 27 (действие второе, явление I).

⁷³ А вот для Анненкова классические произведения западноевропейской политэкономии (А. Смита, Ж.-Б. Сея [Сэ] и Ф. Бастиа) были «скучнейшими книгами», прочесть которые русского можно было заставить лишь насильно (указ. соч. С. 528). Эта запись в дневнике сделана зимой 1850-1851 гг. когда Анненков жил в Симбирске. Находясь в Париже в 1846 г., он с интересом посетил заседание Общества свободного обмена (*du libre echange*) в Зале Монтескье, где «на трибуне величались все знаменитости политической экономии: Дюноэ, Бланки, Шевалье, Бастиат (так в тексте – А.О.), Леон Фоше, Горас Сей, а внизу до трехсот человек избранной публики собралось посмотреть на них» (с. 668). В письме В.П. Боткину он довольно подробно и со знанием дела рассказал о сути дискуссии между фритредерами и протекционистами, хотя и резюмировал: "Вообще эта борьба чистой теории с живыми интересами, сделанная под влиянием английской реформы и без всяких других средств, кроме правильности выражения, весьма походит на забаву ученых. Это – их Тиволи» (с. 670).

⁷⁴ В 1835 г. Гоголь начал работу над исторической драмой (оставшейся незаконченной и неопубликованной при жизни писателя) «Альфред» о борьбе англосаксов под руководством короля Альфреда Великого (849-901) против датчан (данов) и феодальной раздробленности. Тут можно найти представления русского автора о европейском феодализме, о чем уже писали историки (Сопленков С.В. Российская общественная мысль первой половины XIX века о Востоке. Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 165). Но не является ли эта драма попыткой Гоголя разобраться в особенностях национального типа англичан, начиная с древности? Предположение выглядит обоснованным, особенно если вспомнить строки из его статьи «О средних веках» (1834 г.), включенной в сборник «Арабески» (1835 г.). Гоголь писал: в средних веках заложены «...первоначальные стихии и фундамент всего нового; без глубокого и внимательного исследования их не ясна, не удовлетворительна, не полна новая история... Действия человека в средних веках кажется совершенно безотчетны; самые великие происшествия представляют совершенные контрасты между собою и противоречат во всем друг другу. Но совокупление их всех вместе в целое являет изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человека с жизнью целого человечества, то средние века будут то же, что время воспитания человека в школе» (Гоголь – 1966-1967. Т. 6. С. 30, 40).

доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец, умирает, а они рыскают с горя за зайцами»⁷⁵.

Русские помещики и чиновники, такие, как они появляются в «Ревизоре» и в первом томе «Мертвых душ», сами не способны ни к каким переменам и не в состоянии изменить жизнь своих крестьян. Им в этом, к сожалению, не поможет даже английский опыт. Те элементы английского опыта, которые были все же внедрены в сознание русских в период правления Александра I (а действие в поэме происходит, видимо, в начале 1820-х гг.), или остались мертвым грузом или осмыслены по-своему. В «Ревизоре», например, упоминается книга английского богослова-нонконформиста Джона Мейсона (Иоанна Масона) «Познание самого себя»⁷⁶. Книга была дважды (в 1783 и 1786 гг.) издана в типографии Н.И. Новикова и получила очень высокую оценку в среде русских масонов⁷⁷. Когда Земляника предлагает другим чиновникам «ехать парадом в гостиницу» для встречи со столичным ревизором, Ляпкин-Тяпкин⁷⁸ говорит: «Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге “Деяния Иоанна Масона”...»⁷⁹. Духовное произведение о восприятии религиозного мистического опыта понято русским провинциальным судьей буквально – в торжественных процессиях духовенство должно идти впереди. В черновых отрывках к отдельным главам “Мертвых душ” описано, как чиновники города обсуждают приезд Чичикова, тоже воспринимая его как значительную особу. «”Господа”, сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, “я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете»⁸⁰. Тройное употребление слова «понимаете» и сочетание парламента с плотной русской закуской (почтмейстер, как известно, был «большой остряк», говоривший «без надлежащей точности») должны показать читателям – вот что по-настоящему важно для этих людей. Западный опыт воспринимается ими очень легко, в основном, в виде модного увлечения, быстро сменяющегося новым увлечением. В вариантах глав поэмы упоминается о том, что «дама приятная во всех отношениях» любила балы, поэтому с интересом читала сообщения в газетах о «танцующем» Венском конгрессе⁸¹. Гоголь показывает, что сам по себе западный опыт, да еще и воспринятый подобным образом, не приведет к перестройке русской жизни⁸².

⁷⁵ Гоголь-1979. Т. 7. С. 79, № 22.

⁷⁶ Имеется в виду сочинение Мейсона «Трактат о самопознании» (Treatise on Self-Knowledge, 1745 г.). О самом Мейсоне подробнее см.: Gordon A. Mason, John (1706-1763) // Dictionary of National Biography, 1885-1900. Vol. 36. P. 432. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Mason,_John_%281706-1763%29_%28DNB00%29 (дата обращения: 02.10.2017).

⁷⁷ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартиности. СПб.: изд-во «Лань»; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. С. 227-228, 231 (прим. 70). Третье издание книги Мейсона на русском языке вышло в 1872 г. (О самопознании. Трактат Иоанна Масона. Ч. 1-3. М.: тип. В. Готье, 1872).

⁷⁸ Гоголь дал Ляпкину-Тяпкину древнееврейское имя Аммос. Оно символизирует склонность человека к непрерывному движению. «Егоза» и «непоседа» в детстве, он практически не меняется с возрастом: любовь к перемене мест, неумение и нежелание ценить стабильность в любой форме часто становятся причиной одиночества. Но одиночество его не тяготит. Наоборот, воспринимается зачастую как обязательный атрибут свободы, которая является для такого человека единственным способом существования, основой мотивации, «фетишем».

⁷⁹ Гоголь – 1966-1967. Т. 4. С. 20 (действие первое, явление III).

⁸⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в четырнадцать томах. Т. 6. Мертвые души. Том первый. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1951. Другие редакции. Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам. К главе IX. С. 639.

⁸¹ Гоголь – 1966-1967. Т. 5. С. 568. <Заметки> к 1-й части [«Мертвых душ»].

⁸² В пьесе «Игроки» (1842 г.) шулер Утешительный рассказывает: «...есть помещик Аркадий Андреевич Дергунов, богатейший человек. Игру ведет отличную, честности беспремерной, к поползновенью, понимаете, никаких путей: за всем смотрит сам, люди у него воспитанны, камергеры, дом – дворец, деревня, сады – все это по аглицкому образцу. Словом, русский барин в полном смысле слова» (Гоголь – 1966-1967. Т. 4. С. 184 (явление VIII)). Как видим, англomania не меняет принципиально русского дворянина, она лишь позволяет ему с комфортом вести привычный образ жизни. Упрек русского англomана А.Д. Черткова, опубликовавшего «Воспоминания о Сицилии» (Ч. 1-2. М.: тип. А. Семена, 1835-1836), сделанный Сицилии за то,

Гоголь в одинаковой степени не приемлет слепую англоманию и трафаретную англофобию, хотя не может не понимать: возникновение в русском обществе англофобии было обусловлено многими политическими событиями эпохи наполеоновских войн. Всем памятна строка из «Мертвых душ», где упоминается карикатура – англичанин держит Наполеона как собаку на поводке и угрожает русскому⁸³. В «Записках сумасшедшего» (1835 г.) показана англофобия в классическом виде⁸⁴. Но Гоголь вкладывает слова о коварных англичанах в уста городских чиновников из «Мертвых душ» или даже помещает подобные высказывания в бредовые речи сумасшедшего. Как мне представляется, в художественном плане Гоголь показал значение Англии для России в образах капитана Копейкина и встреченной им в Петербурге прекрасной англичанки. Офицер, потерявший руку и ногу во время громадной борьбы почти всей Европы против Наполеона и не получивший помощи на родине, видит англичанку («стройную... как лебедь»), пытается следовать за ней, но убеждается в том, что сделать этого пока не может. Англичанка – пример гармонии и, чтобы добиться ее, русский должен также стать гармоничным человеком⁸⁵.

В научном плане роль Англии в Европе XIX в. показана в статье «О преподавании всеобщей истории» (1834 г.). В ней Гоголь писал: «...островитяне британские... наконец очутились почти вдруг обладателями торговли всего мира: ворочают миллионами в Индии, собирают дань с Америки, и где только море, там британский флаг. Им преграждает путь исполин XIX в., Наполеон, и уже действует другим орудием: совершенно военным деспотизмом... Напрасно гремит против него в английском парламенте Питт и составляет страшные союзы. Ничто не имеет духа ему противиться, пока он сам не набегаёт на гибель свою, вторгнувшись в Россию... И Россия, сокрушившая этого исполина о неприступные твердыни свои, останавливается в грозном величии на своем огромном северо-востоке. ... Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливать даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его еще ужаснее и благодетельнее...»⁸⁶

что она – не Англия, едко высмеял Анненков. «Уж Господь Бог затем и создал Сицилию, чтоб она была Сицилией!» (Анненков П.В. Указ. соч. С. 586. Письма из-за границы. Письмо VI от 3 сентября 1841 г.).

⁸³ Гоголь – 1966-1967. Т. 5. С. 242 (гл. X).

⁸⁴ Там же. Т. 3. С. 203.

⁸⁵ Я уже вскользь высказывал такую идею раньше (Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2008. С. 88-89.) и она вызвала в целом справедливую критику (Зишина М.В. Указ. соч. С. 176), поскольку моя прежняя работа была посвящена другому сюжету. Надеюсь, здесь выдвинутое мной предположение получит лучшее обоснование.

⁸⁶ Гоголь – 1966-1967. Т. 6. С. 52.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.